

MPRA

Munich Personal RePEc Archive

From Institutions to Extitutions to the Theory of Institutional Anomalies

Frolov, Daniil

Volgograd State University

3 May 2018

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/90286/>

MPRA Paper No. 90286, posted 01 Dec 2018 09:59 UTC

ОТ ИНСТИТУТОВ К ЭКСТИТУТАМ И ДАЛЕЕ – К ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ АНОМАЛИЙ

Д. П. Фролов

Волгоградский государственный университет

Аннотация

В статье предлагается переосмыслить институциональные аномалии (плохие, неэффективные, деструктивные институты и связанные с ними процессы и эффекты) в позитивном ключе. Вводится понятие экститутов как выходящих за границы институтов (за-институциональных) моделей социального порядка, базирующихся на вариациях норм. Экституциональная трактовка природы институциональных аномалий позволяет критически пересмотреть связанные с ними дихотомии (типа «плохие / хорошие институты» как у Норта-Уоллиса-Вайнгаста или Асемоглу-Робинсона), подходы (например, функционализм и оценочный «что-то не то»-подход) и стереотипы (в том числе односторонне-негативную интерпретацию «плохих» институтов, «презумпцию виновности» групп интересов и др.). Авторская позиция состоит в понимании институциональных аномалий как основного продукта институциональной сложности. В статье также обосновывается целесообразность учета роли институциональных конфигураций и малого институционального предпринимательства в формировании «аномальных» институтов. Предложена повестка для будущих исследований в области теории институциональных аномалий.

Ключевые слова: неэффективные институты; институциональные ловушки; дисфункции институтов; трансплантация институтов; институциональные аномалии.

JEL: A14, B41, B52.

FROM INSTITUTIONS TO EXTITUTIONS TO THE THEORY OF INSTITUTIONAL ANOMALIES

D. P. Frolov

Volgograd State University

Abstract

The article suggests rethinking institutional anomalies (bad, inefficient, destructive institutions and related processes and effects) in a positive way. The term 'extitutions' is introduced as transcending institutions of (beyond-

institutional) models of social order, based on variations of norms. The extitutional interpretation of the nature of institutional anomalies allows us to critically reconsider associated dichotomies (such as 'bad / good institutions' like North-Wallis-Weingast or Acemoglu-Robinson), approaches (eg, functionalism and evaluative 'something wrong'-approach) and stereotypes (including one-sided negative interpretation of 'bad' institutions, "presumption of guilt" of interest groups, etc.). The author's position is to understand institutional anomalies as the main product of institutional complexity. The article also substantiates the expediency of taking into account the role of institutional configurations and small institutional entrepreneurship in the formation of 'anomalous' institutions. An agenda is proposed for future research in the field of the theory of institutional anomalies.

Keywords: inefficient institutions; institutional traps; dysfunctions of institutions; transplantation of institutions; institutional anomalies.

JEL: A14, B41, B52.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00832).

Введение

В работе (Кирдина-Чэндлер, 2017) рассматривается практически неизученное явление институционального диссонанса – рассогласования взаимосвязанных институтов, которые функциональны каждый в отдельности, но теряют свою функциональность из-за сбоев в механизме их взаимодействия. Такого рода диссонансы являются, по мнению некоторых ученых, постоянным побочным продуктом институциональной сложности (Mauskapf, Zajac, 2013). Концепция институциональных диссонансов вносит свежий ветер в широкое предметное поле исследований негативных / неэффективных институтов (их состояний, соответствующих эффектов и процессов) и представляет собой отличный импульс для размышлений о перспективах построения обобщающей метатеории, которую представляется возможным условно назвать теорией институциональных аномалий (ИА)¹.

Плохие институты в ретроспективе²

Вопрос о природе и причинах неэффективности экономических институтов – самый древний и сакраментальный для институционализма.

¹ Преимуществом данного термина не в последнюю очередь является его «незанятость», т.е. отсутствие исторически сложившихся коннотаций. Первая (она же и одна из последних) статья, специально посвященная ИА, появилась в 1995 г. и по сути описывала провалы отдельных сегментов арт-рынка (Santagata, 1995).

² Плохие институты (bad institutions) – собирательный оценочный аналог термина «институциональные аномалии».

Поиском ответа на него активно занимались все основатели и пророки этого влиятельнейшего научного направления современности. Так, Т. Веблен подверг обстоятельной критике демонстративное потребление (и другие атрибуты) праздного класса и абсентеистскую собственность; Дж. Коммонс показал негативные следствия свободного рынка и роль «видимой руки суда» (Коммонс, 2011. С. 225); У. Гамильтон и Дж. Кларк привлекли внимание к необходимости социального контроля над крупными корпорациями; Р. Коуз обнаружил первопричину всех институциональных проблем в положительных трансакционных издержках, к которым О. Уильямсон позднее добавил оппортунизм, а Д. Норт подчеркнул роль изменений в относительных ценах и генерируемых институциональной матрицей стимулах; теоретики начала XXI века видят корень проблем в доминировании порядков ограниченного доступа и экстрактивных / эксплуатационных институтов (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2015).

И если институциональные диссонансы попали в поле зрения исследователей совсем недавно, то многие плохие формы, эффекты и модели изменений институтов изучены достаточно детально. Существует обширная литература (причем не только институционалистской направленности), посвященная провалам и несовершенствам / дефектам рынка (Bator, 1958; Cohen, Winn, 2007), а также провалам и коллапсу государства (Khan, 1995; Baker, Ausink, 1996; Carment, 2003; Börzel, Risse, 2015; Nganje, 2015). Фактически все эти работы продолжают линию дисфункционального анализа, основы которого были заложены в теории бюрократических дисфункций (Merton, 1957) и который неявно используется как в теории трансакционных издержек, так и в целом в новой институциональной экономике (Baudry, Chassagnon, 2010). Безусловно, следует упомянуть резонансные работы в области дисфункций трансплантированных институтов (Johnson, Lundvall, 1992; Полтерович, 2001; *The Theory and Practice...*, 2002) и институциональных ловушек (Полтерович, 1999; Gradstein, 2008; Polterovich, 2018), к которым вплотную примыкают концепции институциональных / межинституциональных разрывов (Rahman et al., 2017), институционального вакуума (Beaumont, Harris, 1994; Gatete, Dabat, 2017), нечеткости институтов (Балацкий, 2007) и их нецелевого использования (в том числе их подчинения и манипулирования ими) (Полищук, 2008). В значительной степени близка к этой проблематике и сложившаяся под влиянием идей М. Олсона о коалициях и поиске ренты концепция захвата государства (Hellman, Jones, Kaufmann, 2003). Отметим исследования связи плохих институтов и «ресурсного проклятия» (Mehlum, Moene, Torvik, 2006; Lawer, Lukas, Jorgensen, 2017), а также собственно «институционального проклятия» (Menaldo, 2016). Отдельную область образует анализ эволюционных ИА, в частности, многочисленных форм проявления эффекта path dependence (David, 2007; *The Evolution...*, 2009; *The Hidden Dynamics...*, 2010; Dobusch, Kapeller, 2013), базирующегося на идее кумулятивной

причинности Т. Веблена, и его негативистской версии – эффекта замыкания (lock-in) (David, 1985; Arthur, 1989; Path Dependence..., 2014).

В подавляющем большинстве посвященные перечисленным явлениям работы носят выраженный эмпирический характер, попытки же создания интегративных теоретических рамок трудно признать успешными. Еще одной проблемой является склонность исследователей к генерированию метафорических терминов, когда, например, формирование консервативного типа институтов в периоды длительной стабильности описывается как институциональный склероз (Olson, 1982), а размытая легитимность прав собственности представляется институциональной «родовой травмой» (Капелюшников, 2008). В результате порой приходится «от институциональных ям... отличать институциональные разрывы, пустоты, обвалы, петли» (Гриценко, 2005. С. 61)... Такие метафоры сами по себе не являются проблемой (это, скорее, ступень к созданию более четких категорий), но они отражают доминирующий низкий уровень теоретического осмысления ИА.

Отсутствие обобщающей метатеории явно не идет на пользу системному изучению ИА, но начать следует с их переопределения.

Институциональные аномалии: от девиаций – к вариациям, от институтов – к экститутам

В медицинской науке различают два парадигмальных подхода к пониманию здоровья – нозоцентрический и нормоцентрический. Если в первом случае болезнь рассматривается как значимое патологическое отклонение от нормального состояния (McHorney, 2000. P. 350), то во втором – как форма проявления индивидуальной траектории здоровья (Henly, Wuman, Gaugler, 2011). Другими словами, если в нозоцентрической парадигме болезнь – это *девиация* (отклонение от нормы), то в нормоцентрической – это *вариация* нормы.

Наша статья – *манифест в защиту нормоцентрического подхода* и призыв к необходимости его активного применения в институциональной науке³ и, в частности, в теории ИА.

Нормоцентрический подход восходит к «Никомаховой этике» Аристотеля, подчеркивавшего, что «врач рассматривает здоровье не так, [т.е. не вообще], а с точки зрения здоровья человека и, скорее даже, здоровья “вот этого” человека, ибо он врачует каждого в отдельности» (Аристотель, 1983. С. 62). Парадоксально, но в XXI веке эта мысль становится невероятно актуальной. Согласно современным медицинским представлениям,

³ Под *институциональной наукой* нами понимается суммативное множество фундаментальных и прикладных направлений институциональных исследований в разных областях знаний об экономике и обществе. Этот термин – аналог обобщающих терминов типа региональной науки (regional science), сервисной науки (service science) и др. Другое возможное название институциональной науки – *институционалистика*.

диагностика должна выходить за узкие рамки идентификации болезней, преодолевая исторически ставший мейнстримом нозологический / нозоцентрический подход (Lain-Entralgo, 1982), и формировать комплексное «понимание того, что происходит с телом и разумом личности, требующей лечения» (Mezzich et al., 2016. P. 141).

Один из крупнейших теоретиков медицинских норм и патологий, научный руководитель М. Фуко, французский философ Ж. Кагилхем (1904-1995) придерживался *разграничения понятий нормальности (normality) и нормативности (normativity)*, которое вообще не используется в институционалистской литературе. В книге «Нормальное и патологическое» (1978) под нормальностью он понимал соответствие нормам здоровья в их статистическом смысле (т.е. усредненным показателям), а под нормативностью – способность к изменению норм, т.е. формированию норм более высокого уровня. По его словам, «быть здоровым означает не просто соответствовать норме в данной ситуации, но и быть нормативным в этой и других возможных ситуациях»; «что прежде всего характеризует здоровье, так это способность к преодолению нормы» (Canguilhem, 1991. P. 115). Кагилхем критиковал упрощенное понимание болезней как отклонений от стандартизированных норм, принципиально отвергая дихотомию нормального – ненормального (Geroulanos, 2009).

Для понимания природы ИА ключевым следствием кагилхемовского наследия является *курс на переосмысление конвенционально «негативного» и его позитивизация*. Не случайно в основе всех концептуальных построений Кагилхема лежала выведенная им философия ошибок, согласно которой жизнь в ее предельном понимании есть способность к совершению ошибок (Sinding, 2004. P. 266). Очевидно, что институциональная эволюция происходит чаще всего путем проб и ошибок, но все внимание ученых и политиков притягивают пробы, тогда как роль ошибок преимущественно недооценивается и односторонне признается отрицательной. Аналогичным является и отношение к аномальным институтам, эффектам и процессам: их описание и изучение всегда исходит из явного или неявного постулата о том, что с институтами «происходит ”что-то не то”». «Что-то не то» в данном случае имеет нормативную нагрузку (подразумевается, что происходит “что-то неправильное”»)» (Воробьев, 2012. С. 3), что-то девиантное и деструктивное. *Имплицитное доминирование оценочного «что-то не то»-подхода* ('something wrong' approach)⁴ к определению ИА есть не что иное, как следствие широкого распространения нозоцентрической парадигмы.

Предлагаемая нами точка зрения состоит в *принципиальном отказе от негативной коннотации применительно к ИА и переходе к нормоцентрической парадигме*. ИА – неизбежное следствие и формы проявления разнообразия экономической системы, а разнообразие – главный результат эволюции, если в качестве критерия ее «успешности»

⁴ Авторский термин.

рассматривать нортовскую адаптивную эффективность, т.е. способность системы реагировать на внешние и внутренние изменения максимально различными способами. Адаптация через девиации – это в чистом виде шумпетерианская трактовка экономической эволюции, просто при акценте на инновации в фокусе оказываются условно позитивные стороны этого процесса, а при сдвиге на девиации – условно негативные аспекты⁵. Но не стоит забывать, что любая инновация – это по сути девиация, а их категориальное разделение является всего лишь данью устоявшейся терминологической традиции и не должно восприниматься излишне жестко. С нашей точки зрения, аномалия не противостоит норме, но расширяет ее границы, выступая вариацией нормы. Аномалии – это своего рода гибкие нормы (Sinding, 2006), *мезонормы*, образующие промежуточное звено между нормами и аномией (по Э. Дюркгейму). *ИА – не девиации и тем более не патологии; это вариации норм и условно нормальных институтов.*

ИА, пусть и не являются в строгом смысле нормальными / стандартными институтами, но все же явно имеют институциональную природу и представляют собой *экституты*. Идею экститутов приписывают французскому философу М. Серру в качестве мимолетного неологизма, привлекавшего внимание к новым формам социального порядка, выходящим за границы традиционных институтов, в частности, в виртуальную реальность⁶. Но экституты – это не обратная (Spicer, 2010) и тем более не темная (Tirado, Domènech, 2001) сторона институтов. Хотя, если провести условную черту между «правильными» и «неправильными» институциональными явлениями, то экституты, безусловно, относятся к последним. По сути *экституты – это формы расширения нормальных институтов за границы определяемых ими норм, в зону вариаций*; это модели социального порядка, базирующиеся на вариациях норм; они выходят за пределы действующих институтов, поддерживая как конструктивные, так и деструктивные девиации⁷ и созидательно разрушая сложившиеся структуры, способы и системы упорядочения. И, если принять метафорическую мысль Серра о том, что любой «институт создан из камня»

⁵ Вместе с тем, в организационных науках в последнее десятилетие наблюдается выраженный тренд на изучение *конструктивных девиаций*, связанных с превышением норм референтной группы (Vadera, Pratt, Mishra, 2013; Herington, van de Fliert, 2018).

⁶ Судя по всему, Серр впервые был назван автором термина «экститут» в работах (Tirado, Domènech, 1998, 2001; Tirado, Mora, 2004), причем без указания конкретной цитаты и страниц первоисточника, а впоследствии это утверждение транслировалось во многих статьях (Spicer, 2010; Collet-Sabe, 2013; Valeriola et al., 2016; Huysmans, 2016; Tirado, Maureira, 2016), посвященных экституциональной проблематике. Однако, как показал проведенный нами анализ, в трудах Серра, на которые ссылаются его адепты (Serres, 1994, 1995), экституты даже не упоминаются. Ввиду высочайшей научной продуктивности Серра (он автор более 60 книг) подтверждение / опровержение его авторства в отношении идеи экституты крайне затруднительно.

⁷ Деструктивность девиаций всегда оценочна; не будем забывать о созидательном разрушении (creative destruction) у Й. Шумпетера.

(Serres, 1995. P. 106), то *экституты, можно сказать, созданы из песка*; это непрерывно флуктуирующие формы социального порядка, очень гибкие, пластичные, ускользающие, подвижные, быстро адаптирующиеся к изменениям, сочетающие разные логики, с предельно низкими барьерами и минимумом ограничений, с размытым функционалом и нечетким статусом. Экституты охватывают те формы действий и отношений, которые «превышают, нарушают и не соответствуют институтам» (Spicer, 2010. P. 26). Таковы, в частности, альтернативные модели семейных отношений, фриланс, прекариат, блокчейн, виртуальная медицина, робототехника (особенно на основе искусственного интеллекта), частные военные компании, глобальные цепочки создания стоимости, уберизированные модели бизнеса и т.д. Экституты несут на себе все бремя преимуществ и недостатков инноваций в фазе их становления: они обычно локальны, маргинальны, неоформлены и свободны⁸; в них место правил занимают исключения из правил и практики действий, место стимулов и процедур – идентичности и ценности; они почти невидимы для мониторинга и с трудом распознаются на институциональном поле. Пусть и не будучи (скорее всего) первооткрывателем экститутов, Серр высказал крайне важную для нашего исследования мысль: «мы часто называем патологическим то, что должно вести за собой нормальность» (Serres, 1995. P. 135). Это в полной мере относится к экститутам, ведь, первоначально расшатывая границы сложившихся институтов, с течением времени постепенно «они становятся институционализированными в том смысле, что отклонение “нормализуется”» (Barnett, Finnemore, 1999. P. 721-722), лежащие в основе экститутов вариации, казавшиеся девиациями, превращаются в новые нормы, а сами экституты утверждаются в качестве «правильных» институтов, прогрессивно усложняя институциональную систему.

Поскольку ИА являются объективным следствием институционального разнообразия, следует переосмыслить позицию, высказанную в работе (Mauskapf, Zajac, 2013), и признать, что *ИА – не побочный, а основной продукт институциональной сложности*. Более того, чем выше уровень институциональной сложности экономики и общества, тем больше число ИА и тем более многообразны их конкретные формы. Не случайно дисфункциональные институты становятся сейчас все более типичным явлением не только в экономической, но и в политической, и в социальной сферах⁹, а в ведущих странах мира «трудно найти институт, в котором не было бы какого-либо рода провалов или патологий, вызванных кризисом в его широком понимании» (Richards, Smith, Hay, 2014. P. 257). Можно предположить, что массив ИА будет стабильно расширяться и уже в ближайшем будущем наиболее распространенными станут не дисфункции

⁸ И все же экституты не сводятся к неформальным институтам, которые вполне могут быть нормальными; природа же экститутов – в их аномальности.

⁹ См., например, материалы специализированного симпозиума по этой проблеме: Prakash, Potoski, 2016; Borzel, Risse, 2016.

отдельных институтов, а дисфункции взаимодействия функциональных институтов, т.е. институциональные диссонансы. «Сбоить» будут даже вполне эффективные институты из-за растущего усложнения механизмов межинституциональных взаимодействий. Более того, вполне вероятно, что такие диссонансы достаточно быстро станут нормой.

Рассматривая внутреннюю структуру теории ИА, трудно не заметить сложившегося в ней разделения на два течения (табл. 1).

Таблица 1

Два течения в теории институциональных аномалий

Предмет	Метод	Дихотомия
Изучение устойчивых, но общественно неэффективных (плохих) институтов	Статический анализ неэффективных институтов на основе их сравнения с существующими аналогами	Плохие / хорошие институты
	Статический анализ неэффективных институтов на основе их сравнения с аналогами из более развитых экономик	Копии / эталоны институтов
Изучение устойчивых форм отклонений хороших институтов от их эталонных функций и/или оптимального режима функционирования	Динамический анализ неэффективных институтов на основе сравнения их альтернативных состояний	Плохие / хорошие состояния института

Все исследования ИА базируются на сравнительном анализе: условно плохие институты (или состояния институтов) сравниваются с условно хорошими. Например, в случае институциональной ловушки сравниваются два равновесных института (или институциональных равновесия), а в случае дисфункции института¹⁰ – реальный и стандартный (или ожидаемый) режимы его функционирования (Полтерович, 2007. С. 91). При этом обнаруживается имплицитная склонность исследователей ИА к использованию дихотомий, в широком смысле предполагающих четкое противопоставление хороших институтов плохим.

Впервые дихотомию хороших и плохих социальных институтов нам удалось обнаружить в сочинении швейцарского богослова Э. Навилля (1816-1909) «Проблема зла: семь лекций» (1869). Он писал, что «хорошие институты приведут к исчезновению всех невзгод, на которые мы жалуемся», тогда как «плохие институты способствуют возрастанию и распространению Зла» (Naville, 1871. P. 97, 102). Но гораздо важнее следующая ремарка этого выдающегося, но забытого мыслителя: «Институты не создают Зла; ...но

¹⁰ Хотя еще Э. Дюркгейм убедительно критиковал стремление оценивать те или иные социальные явления, события и институты на основе критерия «нормального осуществления функций» (Дюркгейм, 1990. С. 453), поскольку объективного определения нормальности не существует в принципе, а сравнение вечно «несовершенных» институтов с идеальной нормой, по выражению Г. Демсеца, представляет собой «нирванский» подход (Demsetz, 1969. P. 1).

институты препровождают и увеличивают как Зло, так и Добро», другими словами, «институты действуют как во славу Добра, так и во славу Зла» (Op. cit. P. 101-102, 99)¹¹.

В принципе, за полтора века, прошедших после публикации этих строк, институционалисты ненамного продвинулись в определении критериев сравнительной оценки качества институтов; текущее положение дел можно охарактеризовать в общем как «отсутствие ясности в отношении того, какие институты хороши, а какие нет» (Полищук, 2008. С. 28). С одной стороны, инклюзивные (по Асемоглу-Робинсону) и в целом «хорошие институты представляют собой средства, с помощью которых люди могут получать личную безопасность, улучшить материальное благосостояние и реализовать свой потенциал» (Menaldo, 2016. P. 77). С другой же стороны, плохие институты являются по своей природе эксплуататорскими (exploitative) или «экстрактивными – то есть направленными на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» (Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 67). Хорошие или инклюзивные институты формируют в экономике и обществе порядок открытого доступа, плохие институты – порядок ограниченного доступа (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011). Но дихотомичное («черно-белое») восприятие институциональной сложности – самая простая и поверхностная форма ее осмысления...

Дихотомия плохих / хороших институтов и негативная трактовка ИА – прямое следствие доминирования нозоцентрической парадигмы в анализе ИА. Уязвимости этих теоретических позиций для критики самоочевидны.

Во-первых, возникает вопрос: насколько корректно делить институты на два агрегированных класса, проводя между ними четкую границу? Логично, что исходя из степени экстрактивности / инклюзивности институтов (Балацкий, 2017) было бы правильнее выделять их промежуточные категории, заполняющие спектр между полярными состояниями максимально экстрактивных и инклюзивных институтов. *Замена границы плохих / хороших институтов на спектр* (или хотя бы на обширную приграничную зону) – важный шаг к построению реалистичной теории ИА.

Во-вторых, *критерии разграничения плохих и хороших институтов не могут быть одинаковыми для экономических систем разного типа и разного уровня зрелости в рамках одного типа*. Именно с этим связаны ловушки преждевременной инклюзивности (Чубайс, 2015. С. 10) и форсированной постиндустриализации. Ведь институты, поддерживающие интенсивное формирование новых рынков и развивающихся экономик, выглядят как плохие и слабые по сравнению с институтами, защищающими уже сложившиеся рынки и зрелые рыночные экономики. Но, как показывает опыт

¹¹ Институты не хороши и не плохи сами по себе – эту мысль стоило бы зафиксировать многим современным теоретикам.

Китая (Ang, 2016. P. 4), именно слабые институты (и стратегический курс на их создание) позволяют развивающимся странам преодолеть ловушку бедности, именно они становятся конкурентным преимуществом перед высокоразвитыми странами с их высокими требованиями к защите прав собственности, прозрачности, экологичности, социальной ответственности и т.д. Целенаправленно ослабляя эти институты, т.е. ведя «грязную игру», слабые игроки (страны) могут систематически выигрывать у сильных; разве можно назвать такие институты плохими? Если и можно, то это будет оценочная позиция – точка зрения сильных игроков...

Институциональные конфигурации и аномалии

ИА не возникают сами по себе, естественным образом, но и (чаще всего) не являются результатом преднамеренных злокозненных действий конкретных лиц. *Действующими лицами эволюции ИА являются стейкхолдеры соответствующих институтов* – внешние и внутренние социальные группы со специфическими интересами, ценностями, ресурсами, ожиданиями и стратегиями. Стейкхолдеры любого института прямо или косвенно связаны с ним своими интересами. Эти социальные группы могут быть как четко структурированными (тогда они представляют собой организации, в том числе коалиции, группы интересов и т.д.), так и практически не организованными, дисперсными (в таком случае это сообщества)¹². Именно организации и сообщества выступают субъектами институциональных изменений в целом и формирования ИА в частности. Индивидов мы рассматриваем прежде всего как участников различных социальных групп, членство в которых формирует их (индивидов) многомерную идентичность, а не как репрезентативных агентов определенной группы.

В целом интерпретации с точки зрения социальных групп (group-based explanations) получают сейчас все большее распространение среди гетеродоксальных (т.е. не соотносящихся с неоклассическим мейнстримом) экономистов¹³. Однако институционалисты до сих пор практически не уделяют внимания сообществам, т.е. слабо структурированным социальным группам, возникающим на основе не общих интересов и целей (как в случае

¹² Дж. Дэвис использует для обозначения сообществ термин «категориальные группы» (Davis, 2015), представляющие собой социальные агрегаты (массивы) людей с какой-либо общей характеристикой, лежащей в основе их самоидентификации (гендер, возраст, раса, язык, национальность, болезнь, сексуальная ориентация, религия, семейное положение, политические взгляды, любимая команда или группа, социальный класс, образование, профессия, хобби и т.д.).

¹³ Роль стейкхолдеров особенно очевидна при изучении сложных институтов гибридного типа, получающих сейчас крайне широкое распространение (Pache, Santos, 2012; Scaraboto, 2015; Vining, Weimer, 2016).

организаций), а разделяемых их участниками ценностей и идентичности¹⁴. Это странно, поскольку роль сообществ (в том числе виртуальных, временных и т.д.) явно возрастает: на это указывают, в частности, активные исследования в области племенного маркетинга и маркетинга субкультур¹⁵, стратификационной экономики и экономики идентичности... Организациям по сравнению с сообществами «повезло» больше: так, в нортовской концепции они являются командами, играющими на основе установленных правил игры, «сочетая умение, стратегию и взаимодействие игроков, пользуясь честными приемами, а иногда – и нечестными» (Норт, 1997. С. 19). Но, в отличие от спортивных команд и их игроков, организации и их лидеры обладают способностью индуцировать институциональные изменения, меняя правила игры (Там же. С. 97). В теории общественного выбора институциональные изменения являются прерогативой групп интересов (как особых организаций). Причем и школа М. Олсона, и школа Дж. Бьюкенена односторонне «подчеркивали пагубные последствия организации групп интересов» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 250).

Конечно, само сведение субъектов макроинституциональной динамики к элитным группам вызывает сомнения; кроме того, «выбор плохих институтов может быть не только инициативой неподконтрольных политиков, но и заказом, переданным им их избирателями» (Заостровцев, 2014. С. 34), поэтому презумпция виновности групп интересов вряд ли уместна. *Элиты совсем не обязательно плохи и своекорыстны, но и граждане отнюдь не всегда хороши и движимы заботой об интересах общества* (World..., 2017. Р. 20)¹⁶. И если одни группы интересов только гонятся за рентой, требуя привилегий и возводя барьеры для конкурентов, то другие проводят в жизнь институциональные инновации и отстаивают

¹⁴ М. Олсон характеризовал сообщества (в его терминологии «неорганизованные группы») как «большие или латентные группы, ...не имеющие лобби и не оказывающие давления» (Олсон, 1995. С. 154), т.е. неспособные инициировать изменение сложившихся институтов. Но эти мысли были записаны в 1965 году и, безусловно, неадекватны реалиям «новой социальности» – массиву норм и практик, связанных со смартфонами и социальными медиа (см., например: Lee, 2013).

¹⁵ См. подробнее: Cova, White, 2010; Goulding, Shankar, Canniford, 2013. Кроме того, Э. Мамали с соавторами отмечают новую тенденцию возникновения на разных рынках гибких гибридных организаций, конструируемых потребителями (consumer-constructed organizations), более целеориентированных и формализованных, чем так называемые потребительские «племена» (Mamali, Nuttall, Shankar, 2018).

¹⁶ Заметим в этой связи желательность избегания универсалистских обобщений типа «обществу необходимы инклюзивные институты, тогда как экономическим интересам элит отвечают институты экстрактивного типа» (Натхов, Полищук, 2017. С. 20). Далеко не всякому обществу в его массе нужна высокая инклюзивность, как и не все элиты нацелены на эксплуатацию масс (даже если речь идет только о властных элитах).

инклюзивные институты и ценности¹⁷. *Не только бюкененовские, но и не в меньшей степени шумпетерианские ренты движут группами интересов*¹⁸.

Институты в первую очередь таковы, каковы их стейкхолдеры и в этом смысле каждое общество (и сообщество) заслуживает тех институтов, которые оно имеет. Поэтому изучение ИА требует не просто учета, но комплексного включения в анализ стейкхолдеров; при этом стейкхолдеры должны рассматриваться не как изолированные группы со специфическими интересами, а как компоненты локализованной в пространстве экосистемы – *институциональной конфигурации* (ИК). Под ИК здесь понимаются эволюционно формирующиеся модели взаимодействия институтов и их внутренних и внешних стейкхолдеров в конкретном пространственном контексте. В основе конфигурационного анализа лежит принципиальная неразделимость институтов, стейкхолдеров и пространства, в котором они взаимодействуют. В этом смысле ИК – теоретический мезоконструкт для объяснения институциональной сложности, позволяющий «обойти» микро-макро дихотомию (agency – structure problem), связанную с длительным противопоставлением методологий индивидуализма и холизма. Суть ИК – *институциональные, агентские и средовые факторы, взятые в их непрерывном взаимодействии*. Исходя из концепции ИК, нельзя рассматривать никакие институты абстрактно, только институт X в среде Y со стейкхолдерами S (1, ..., n). ИК – *«естественная среда» формирования институциональных аномалий*, т.к. это поля конкуренции и кооперации стейкхолдеров за создание, поддержание, использование и ликвидацию тех или иных институтов теми или иными способами.

Переосмысление стереотипов о плохих институтах

Объективно нет хороших или плохих институтов как таковых; это всегда оценка и, как всякая оценка, она неизбежно отмечена печатью субъективизма; но речь идет о *групповом субъективизме*, т.е. точке зрения, разделяемой членами (и сторонниками) определенных социальных групп.

¹⁷ Перспективной в этой связи представляется коалиционная концепция институциональных реформ (Тамбовцев, Верведа, 2008; Аузан, Золотов, 2008).

¹⁸ Термин «шумпетерианские ренты» вводится нами в развитие идей позднего Норта, который писал о том, как в открытых, демократичных, инклюзивных экономиках происходит «появление множества новых источников рента в шумпетерианском процессе созидательного разрушения, а не в политическом процессе создания рента при помощи привилегий и ограниченного доступа» (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011. С. 253). Таким образом, поиск шумпетерианских рента по своей сути является поиском сверхприбыли (квазиренты) на основе внедрения инноваций. Бюкененовскими рентами предлагается называть те ренты, поиск которых сопряжен с потерями общественного благосостояния. Дж. Бюкенен вообще трактовал ренты исключительно негативно и противопоставлял их поиск поиску прибыли (Buchanan, 1980). Разграничение шумпетерианских и бюкененовских рента позволяет акцентировать наличие у рентаискательства как негативных, так и позитивных форм.

Институты не могут быть полезны или вредны обществу как таковому. Общество существует не само по себе, оно уже в первом приближении представляет собой массив групп разного масштаба и влияния. В этом смысле *следует признать полную неизбежность субъективизма в оценке ИА (и институтов в целом) в силу их полисубъектности*, наличия многочисленных, не только внутренних, но и внешних стейкхолдеров со своими интересами. То, что представляется институциональной ловушкой для одних групп интересов, является «эпицентром возможностей» для других¹⁹. То, что одним стейкхолдерам кажется явной дисфункцией, для других представляет собой конструктивный процесс изменения функционала институтов в желаемом направлении²⁰. Поэтому любой ИА соответствуют силы поддержки (спроса) и силы противодействия (сопротивления), эволюционно меняющийся баланс которых при прочих равных определяет устойчивость плохого института²¹. Любая кажущаяся независимой оценка эффективности / функциональности того или иного института всегда есть выражение точки зрения (и интересов) определенных его стейкхолдеров. Поэтому гомогенное представление агентов институтов следует признать морально устаревшим²², как и упорное использование экономистами фигуры

¹⁹ Косвенно соглашается с этим и автор концепции институциональных ловушек: «...один и тот же институт может быть “положительным благом” для одной группы населения и “отрицательным благом” (public bad) – для другой» (Полтерович, 2007. С. 67).

²⁰ Случай реформы РАН – явное тому подтверждение. Внутренние стейкхолдеры Академии защищают институты, поддерживающие долгосрочно-ориентированные исследования с внеконкурентным (распределительным) финансированием и отсутствием «валовых» показателей результативности (KPI), тогда как внешние стейкхолдеры (ФАНО) лоббируют и внедряют институты проектного / конкурсного финансирования с количественными (в частности, библиометрическими) KPI, рассматривая их как основу стратегии оптимизации.

²¹ Наглядным примером является введение в Китае, России и ряде других стран количественных библиометрических показателей как ключевых параметров оценки научной деятельности, которое привело, с одной стороны, к быстрому развитию рынка платных публикаций в Scopus / Web of Science вплоть до создания фальшивых «клонов» международных журналов, а, с другой, – к массовому падению качества исследований и преподавания, широкому распространению недобросовестных практик и эрозии университетской культуры, стрессам и эмоциональному «выгоранию» (см., например: Qiu, 2010; Tian, Su, Ru, 2016). Посредники пока выигрывают, ученые – проигрывают, но продолжают активно сопротивляться новым институтам.

²² Так, часто говорят об институтах, обеспечивающих благоприятную деловую среду для бизнеса. Но бизнес крайне неоднороден. Благоприятные условия для развития сферы услуг в значительной степени связаны с деиндустриализацией; интересы малого и крупного бизнеса конфликтуют по многим направлениям; наконец, налицо противоречия интересов новых игроков и уже работающих на рынке фирм; дихотомия новаторов и консерваторов давно уже стала классикой. Могут ли быть созданы институты, в равной степени удовлетворяющие потребности в порядке всех этих разнородных групп бизнеса?

репрезентативного агента. *Гетерогенность стейкхолдеров имеет критическое значение для реалистичного анализа ИА*²³.

Концепции, оперирующие понятиями хороших (good) или более совершенных (better) институтов без указания их бенефициаров, должны быть подвергнуты сомнению. Одним из первых напрямую высказался об этой проблеме Х.-Дж. Чен (Chang, 2011. Р. 474-475): по его мнению, продвижение «передовых» институтов в развивающиеся страны всегда осуществляется в интересах международных инвесторов из стран с англосаксонской правовой системой, тогда как традиционные институты рассматриваются а priori как низкокачественные и нуждающиеся в замене эталонными²⁴. Такой подход является анти-эволюционным по своей сути: признавая определенный тип институтов в качестве универсального стандарта, он не только предлагает институциональную панацею (см. критику этой идеи: Остром, 2010), но и игнорирует принципиальную множественность способов (моделей, режимов) и конкретных траекторий институциональной эволюции. Так, поскольку демократия многомерна, существует множество гибридных институтов «частичной демократии», занимающих различное промежуточное положение между «чистыми» демократическим и авторитарным режимами. Институты гибридного типа далеко не всегда эволюционируют в направлении «полной демократии»; скорее, речь следовало бы вести о широком массиве «индивидуализированных» траекторий институционального развития (Competitive..., 2010. Р. 4, 14). В этом смысле описывать такие ИА как провалы или дисфункции демократии едва ли перспективно с точки зрения понимания их природы: *все ИА всегда являются сложными динамичными компромиссами* интересов, целей и ожиданий различных стейкхолдеров.

Еще один редко учитываемый момент: те или иные дисфункции институтов и другие *ИА могут быть необходимым побочным продуктом сложной институциональной системы*, органично встроенным в механизм ее функционирования. Шатдаун²⁵ (как форма провала государства) является «необходимым злом» американской системы институтов демократии, хотя при взгляде из России может показаться явным сбоем институтов госсектора. В свою очередь, непрерывность функционирования российских

²³ С этой позиции утверждение о том, что «в результате конструирования или заимствования института у экономических агентов создается новое поле возможностей» (Полтерович, 2007. С. 78) получает более строгую формулировку – с возникновением нового института у *различных групп* связанных с ним экономических агентов создаются новые поля *возможностей и угроз*.

²⁴ Хотя для инвесторов из стран с сопоставимым качеством институтов в этом нет особой проблемы: они довольно слабо чувствительны к дефектам институциональной среды и готовы работать в таких «экстремальных» условиях (Bessonova, Gonchar, 2015).

²⁵ Шатдаун (government shutdown) – регулярно возникающая в США временная остановка деятельности правительственных учреждений (исключая критически значимые) в связи с непринятием Конгрессом или неподписанием президентом в срок закона о бюджетных ассигнованиях.

государственных институтов – своего рода институциональный бонус за отсутствие политической конкуренции и гибридно-демократический режим; иначе говоря, это «нехорошее совершенство» (Шульман, 2014. С. 124).

Пережитком традиционного подхода к ИА следует признать исключительно негативную трактовку дисфункций трансплантированных институтов (Полтерович, 2007. С. 78-86). В подавляющем большинстве случаев копирования институтов развитых стран развивающимися имеют место дисфункциональные проявления – об этом институционалисты писали еще в 1960-х гг. (см., например: Whyte, 1968). Феномен фенотипического удаления (изменения функционала и форм скопированного института в новой среде) описывается метафорами мутаций, атрофии, перерождения и т.д., причем этим процессам и их последствиям дается однозначно отрицательная оценка. Однако здесь странным образом игнорируется неизбежность адаптационного периода в ходе трансплантации институтов²⁶. Внедряемый в новой среде аллохтонный институт становится объектом взаимодействий разнообразных стейкхолдеров со специфическими интересами, ресурсами и стратегиями: ему сопротивляются, его используют, его изменяют, причем изменяют и его ближнюю среду, конструируя нишу в социальной системе²⁷. В результате институт банкротства может применяться для маскировки рейдерских захватов бизнеса, институт государственно-частного партнерства – для легализации личной унии власти и крупного капитала, а институт корпоративной социальной ответственности (КСО) – для камуфлирования незаконных сборов с предпринимателей на решение нерешаемых государством социальных проблем. При этом зачастую упускается из вида эволюционный аспект трансплантационных дисфункций и, в целом, ИА: например, *то, что кажется ИА в краткосрочной перспективе, в долгосрочной может играть роль промежуточного*

²⁶ Хотя странно было бы вообще ожидать, что внедряемый институт будет максимально идентичен исходному образцу. Для этого пришлось бы трансплантировать и всю социальную среду, в которой развивался эталонный институт, со всеми ее стейкхолдерами, практиками действий и неформальными институтами. В этом смысле полезно разграничивать трансплантацию (как копирование развивающимися странами институтов из развитых стран) и *институциональный бенчмаркинг* (копирование институтов и лучших практик из стран-конкурентов с аналогичным уровнем развития).

²⁷ Неотделимость ИА от среды граничит с невозможностью сколь-либо универсальных нормативных рекомендаций, которые по сути могут быть только пространственно-специфичными. Более того, любые сопоставления институтов по генерируемому ими уровню транзакционных издержек в значительной степени лишены смысла, т.к. они корректны «лишь в среде, адекватной исходной ситуации; следовательно, все сравнения транзакционных издержек носят локальный характер» (Nutzinger, 1982. P. 180). Аналогичная проблема существует и в современной медицинской науке: холистическая концепция здоровья, рассматривающая его с позиций интерактивного взаимодействия организма со средой, часто критикуется, поскольку медицинские рекомендации должны быть применимы в разных средах – странах, регионах и т.д. (Sholl, 2016). Это – слабая сторона нормоцентрической парадигмы.

*института*²⁸, т.е. объективно необходимой переходной формы институционального развития. Пример КСО в этом смысле показателен: внедрение данного института во многих развивающихся странах сопровождалось многочисленными дисфункциями и имитациями, однако в результате постепенно приводило к распространению норм и практик, связанных с КСО в ее эталонной версии (Jamali, Karam, 2018). Вообще говоря, следует признать часто подтверждаемую эмпирически полезность даже плохо прикрываемой имитации институтов более высокого качества: *плохие институты часто могут иметь рациональный смысл как часть долгосрочного процесса институциональных изменений*²⁹, т.е. как промежуточные институты с минимально приемлемой эффективностью, являющиеся прообразами более совершенных институтов. Конечно, грубая имитация никогда не приводит к созданию точной копии внешнего института-эталона (эффект карго-культа), но способствует выработке и закреплению практик, норм, убеждений и т.д., которые в долгосрочном периоде способны стать основой возникновения эндогенного (собственного) аналога «желаемого» института.

Роль малого институционального предпринимательства

Институциональное предпринимательство (ИП) уже традиционно рассматривается как инициативное создание мезо- и макроинститутов «снизу», противопоставляемое внедрению институтов «сверху»³⁰. ИП – это не управляемое государством, но также и не стихийное / спонтанное институциональное развитие, т.к. инновации реализуются по лидерской модели. В формате ИП изменения институтов достаточно масштабны и радикальны, есть явный лидер (лидеры) и команда³¹, которые организуют мощную группу влияния и добиваются выгодного им смещения институционального равновесия. Таким образом, чаще всего речь идет о крупном ИП. Применительно к рассматриваемой проблематике оно связано с ИА типа захвата и подчинения институтов, манипулирования ими,

²⁸ О стратегии промежуточных институтов см.: Полтерович, 2007. С. 137-138.

²⁹ На микроуровне этот эффект описывается концепцией «неразделимости управления» (governance inseparability; см. подробнее: Argyres, Liebeskind, 1999).

³⁰ Такое понимание институционального предпринимательства характерно для институциональных экономистов, тогда как подход, принятый в экономической социологии и организационных науках гораздо более микро- и даже минианалитичен.

³¹ Роль команды и множественность субъектов («групп поддержки») имеет ключевое значение, в связи с чем корректнее даже использовать термин «коллективное институциональное предпринимательство» (Tammel, 2015; Jolly, Raven, 2015; Jolly, Spodniakb, Raven, 2016), дистанцируясь от общепринятого подхода с его упрощенной героизацией отдельных акторов – создателей новых институтов (см., например: Wahid, Sein, 2013). Но даже и таким «героям-одиночкам» чаще всего требуется более «коллективный» подход (Wright, Zammuto, 2013), предполагающий поиск дополнительных сетевых ресурсов и выстраивание коалиционных стратегий.

паразитизма, деформализации и т.д. Это своего рода *крупное теневое ИП, связанное с поиском бюрократических рент и целенаправленным продавливанием плохих институтов олсоновскими группами интересов*: «Институты в определенные периоды... могут быть навязаны обществу теми или иными группами» (Кирдина-Чэндлер, 2017. С. 21).

Что обычно остается за рамками традиционного подхода, так это малое ИП и его роль в формировании ИА (и институтов в целом). *Малое ИП*³² – это почти незаметные, инкрементные институциональные изменения «снизу» на основе импровизаций в процессе рутинной деятельности в масштабе относительно компактных отношенческих групп и локальных сообществ. Этим процессам институционалисты обычно уделяли крайне ограниченное внимание.

Вместе с тем, стоит вспомнить идею крафтинга (crafting) институтов Э. Остром, связанную с созданием институтов локального масштаба кустарным / ремесленным способом – из доступных ресурсов, наслаивая новые версии на старые, с минимальной функциональностью, методом проб и ошибок, постоянных итераций и модификаций (Ostrom, 1992). В дальнейшем эта идея была плодотворно развита в концепции институционального бриколажа Ф. Кливе (Cleaver, 2012). Эти подходы очень близки к предлагаемой нами идее малого ИП, которое связано с *созданием не оптимальных, но приемлемых в конкретных условиях институциональных решений текущих проблем*; такие решения выступают субститутами совсем уж неэффективных, откровенно плохих институтов³³. Конечно, создаваемые малыми институциональными предпринимателями институты подчас выглядят как пестрые, лоскутные, перемешанные, анархичные, иногда абсурдные, почти что беспорядочные формы социального порядка. И все-таки они работают.

Заключение: перспектива новой нормальности

Может ли быть институциональных аномалий больше, чем нормальных институтов? Да, и самый показательный пример – происходящий сейчас по всему миру кризис института нуклеарной семьи. Этот процесс описывается как деинституционализация семьи (Smyth, 2016) или переход от института семьи к семейным конфигурациям (Widmer, 2016. P. 1-4), т.е. как разрушение «нормального» института, вытесняемого альтернативными (читай – аномальными) моделями семейных отношений. Среди них – сожительство и LGBTQ-партнерства, «вместе, но порознь» (living apart together), гостевой междугородный брак (commuter / commuting marriage), мульти- и транслокальные домохозяйства (multilocal households / translocal livelihoods),

³² Авторский термин.

³³ Поэтому малое ИП зачастую при поверхностном анализе выглядит непродуктивным или даже деструктивным предпринимательством по типологии У. Баумоля (Douhan, Henrekson, 2010. P. 633-634).

семьи по выбору (*families of choice*) и многие другие³⁴. Эти ИА – конкуренты (и даже антагонисты) института традиционной (нуклеарной) семьи, т.к. они «перетягивают» к себе агентов, являющихся главным ограниченным ресурсом данного института.

Возникает вопрос: может быть, наблюдающийся крах ностальгического идеала «нормальной» семьи является следствием более общего процесса? Не происходит ли на наших глазах становление *новой нормальности как системы аномалий без явной нормы*? Не движемся ли мы к миру, в котором экституты вытеснят институты на периферию? Спойлер: да, именно в этом направлении и идет социальная эволюция. На это указывает практически экспоненциальный рост институциональной сложности, сопровождающийся повышением разнообразия, неоднородности, гибридности, пластичности институтов и институциональных структур. Границы нормы (нормальных институтов) сужаются и начинается доминирование ИА. Не превалирующая норма и незначительная зона отклонений (девиаций), а массив альтернативных вариаций без выраженных норм – такова надвигающаяся институциональная реальность. *Институты отступают, vive les extitutions!*

Подведем итоги. Накопленный массив исследований в области «плохих институтов» можно считать критической массой для формирования общей теории институциональных аномалий. Парадигмой этой теории должен стать нормоцентрический подход, трактующий такие аномалии не как девиации, а как вариации нормы, что позволяет отказаться от их негативной оценки и преодолеть устойчивые дихотомии нормальных – аномальных, эффективных – неэффективных, хороших – плохих институтов. Ключевым моментом теории институциональных аномалий является введение понятия *экститут* как *за-институциональных (beyond-institutional)*³⁵ *моделей социального порядка, базирующихся на вариациях норм*. Принципиальную важность имеет трактовка институциональных аномалий как основного продукта институциональной сложности. Особое внимание предлагается привлечь к роли стейкхолдеров, средовых факторов и, в целом, институциональных конфигураций в формировании институциональных аномалий. Кроме того, следовало бы более сфокусированно учитывать роль в этом процессе малого институционального предпринимательства.

Перспективная *повестка дня теории институциональных аномалий*, на наш взгляд, связана с тремя группами исследовательских задач. Во-первых, расширение спектра объектов анализа и развитие специальных / частных теорий отдельных видов и типов институциональных аномалий. Во-вторых, поиск ответов на критику дисфункционального мышления (*failure thinking*)³⁶,

³⁴ Заметим, что каждая из указанных моделей включает набор устойчивых субмоделей.

³⁵ Авторский термин.

³⁶ Под ним понимается парадигма экономической политики, связанная с вмешательством государства в функционирование рынков и инновационных систем

от которого гетеродоксальным экономистам предлагается решительно отказаться (Schmidt, 2018). Логично, что экономическая политика, построенная на анти-дисфункциональных интервенциях в целях возвращения рынков и рыночных институтов в их естественное / оптимальное состояние неадекватна, т.к. никакого исходного оптимального состояния у институтов нет. Но каков аналог такой политики? *Какой должна быть политика, базирующаяся на институциональных аномалиях (anomalies-based policy)* и на стимулировании роста институционального разнообразия экономической системы? И, в-третьих, на основе теории институциональных аномалий можно сделать давно уже назревший шаг к созданию единой метатеории институциональных изменений – если не теории всего, то теории почти всего³⁷ в институциональной Вселенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А.* (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 695 с.
- Аристотель.* (1983) Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 830 с.
- Аузан А., Золотов А.* (2008) Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики, № 1, с. 97-107.
- Балацкий Е.В.* (2017) Концепция инклюзивных институтов и ее приложения // Общественные науки и современность, № 3, с. 143-156.
- Балацкий Е.* (2007) Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // Общество и экономика, № 5-6, с. 37-53.
- Воробьев А.Н.* (2012) Левиафан поневоле: захват государства как следствие режимных деформаций: препринт WP14/2012/07. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 28 с.
- Гриценко А.А.* (2005) Институциональная архитектура: объект, теория и методология // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, с. 49-74.
- Дюркгейм Э.* (1990) О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 575 с.
- Заостровцев А.П.* (2014) История по Асемоглу-Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // Общественные науки и современность, № 3, с. 32-43.
- Капелюшников Р.* (2008) Собственность без легитимности? // Вопросы экономики, № 3, с. 85-104.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* (2017) Мезоуровень: новый взгляд на экономику? М.: Институт экономики РАН, 36 с.
- Коммонс Дж.Р.* (2011) Правовые основания капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 416 с.

разного масштаба для коррекции возникающих провалов. Станным образом на этой парадигме базируются и неоклассика, и эволюционная экономика.

³⁷ Термин «теория почти всего» (theory of almost everything) используется в современной физике в качестве аналога теории всего с поправкой на теорему Геделя о неполноте.

- Натхов Т.В., Полищук Л.И.* (2017) Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным. М.: Институт экономики РАН, 55 с.
- Норт Д.* (1997) Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 180 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 480 с.
- Олсон М.* (1995) Логика коллективных действий. М.: ФЭИ, 174 с.
- Остром Э.* (2010) Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 447 с.
- Полищук Л.* (2008) Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики, № 8, с. 28-44.
- Полтерович В.М.* (1999) Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы, т. 35, № 2, с. 3-19.
- Полтерович В.М.* (2001) Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России, № 3, с. 24-50.
- Полтерович В.М.* (2007) Элементы теории реформ. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 447 с.
- Тамбовцев В., Вerveда А.* (2008) Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики, № 1, с. 86-96.
- Чубайс А.Б.* (2015) Предисловие к русскому изданию // Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, с. 7-10.
- Шульман Е.* (2014) Суррогаты парламентаризма // Pro et Contra, № 1, с. 124-132.
- Ang Y.Y.* (2016) How China Escaped the Poverty Trap. London: Cornell University Press, 344 p.
- Argyres N.S., Liebeskind J.P.* (1999) Contractual commitments, bargaining power, and governance nonseparability: Incorporating history into transaction cost theory // Academy of Management Review, vol. 24, no. 1, pp. 49-63.
- Arthur W.B.* (1989) Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal, vol. 99, no. 394, pp. 116-131.
- Baker P.H., Ausink J.A.* (1996) State collapse and ethnic violence: toward a predictive model // Parameters, vol. 26, no. 1, pp. 19-31.
- Baleriola E. et al.* (2016) Nuevas formas de habitar la ciudad: hacia una conceptualización de la ciudadanía biovigilante / E. Baleriola, F. Tirado, M. Maureira, P. Torrejón // Fractal: Revista de Psicología, vol. 28, no. 2, pp. 172-180.
- Barnett M.N., Finnemore M.* (1999) The Politics, Power, and Pathologies of International Organizations // International Organization, vol. 53, no. 4, pp. 699-732.
- Bator F.M.* (1958) The Anatomy of Market Failure // The Quarterly Journal of Economics, vol. 72, no. 3, pp. 351-379.
- Baudry B., Chassagnon V.* (2010) The Close Relation Between Organization Theory and Oliver Williamson's Transaction Cost Economics: a Theory of the Firm Perspective // Journal of Institutional Economics, vol. 6, no. 4, pp. 477-503.
- Beaumont P.B., Harris R.I.D.* (1994) The institutional vacuum in British industrial relations // Policy Studies, vol. 15, no. 4, pp. 50-59.
- Bessonova E., Gonchar K.* (2015) Bypassing weak institutions in a large late-comer economy // Journal of Institutional Economics, vol. 11, no. 4, pp. 847-874.
- Börzel T.A., Risse T.* (2015) Dysfunctional Institutions, Social Trust, and Governance in Areas of Limited Statehood. SFB-Governance Working Paper Series No. 67. Berlin: Collaborative Research Center (SFB) 700, 27 p.

- Borzel T.A., Risse T.* (2016). Dysfunctional state institutions, trust, and governance in areas of limited statehood // *Regulation & Governance*, vol. 10, no. 2, pp. 149-160.
- Buchanan J.M.* (1980) Rent Seeking and Profit Seeking // *Toward a Theory of the Rent-seeking Society* / J.M. Buchanan, R.D. Tollison, G. Tullock (eds.). College Station: Texas A & M University, pp. 3-15.
- Canguilhem G.* (1991) *The Normal and the Pathological*. New York: Zone Books, 327 p.
- Carment D.* (2003) Assessing State Failure: implications for theory and policy // *Third World Quarterly*, vol 24, no. 3, pp. 407-427.
- Chang H.-J.* (2011) Institutions and economic development: theory, policy and history // *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, no. 4, pp. 473-498.
- Cleaver F.* (2012) *Development through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resources Management*. New York: Routledge, 240 p.
- Cohen B., Winn M.I.* (2007) Market Imperfections, Opportunity and Sustainable Entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*, vol. 22, pp. 29-49.
- Collet-Sabe J.* (2013) From total institution to extitution? Discussions on the future of monastic life in the Benedictine women's monasteries of Catalonia (Spain) // *Revista Internacional de Sociología*, vol. 71, no. 2, pp. 335-356.
- Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War.* (2010) / S. Levitsky, L.A. Way (eds.). New York: Cambridge University Press, 536 p.
- Cova B., White T.* (2010) Counter-brand and alter-brand communities: the impact of Web 2.0 on tribal marketing approaches // *Journal of Marketing Management*, vol. 26, no. 3-4, pp. 256-270.
- David P.A.* (1985) Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 332-337.
- David P.A.* (2007) Path Dependence: a Foundational Concept for Historical Social Science // *Cliometrica*, vol. 1, no. 2, pp. 91-114.
- Davis J.B.* (2015) Stratification economics with identity economics // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 39, no. 5, pp. 1215-1229.
- Demsetz H.* (1969) Information and Efficiency: Another Viewpoint // *Journal of Law and Economics*, vol. 12, no. 1, pp. 1-22.
- Dobusch L., Kapeller J.* (2013) Breaking New Paths: Theory and Method in Path Dependence Research // *Schmalenbach Business Review*, vol. 65, no. 3, pp. 288-311.
- Douhan R., Henrekson M.* (2010) Entrepreneurship and second-best institutions: going beyond Baumol's typology // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 20, no. 4, pp. 629-643.
- Gatete C., Dabat M.-H.* (2017) From the fuel versus food controversy to the institutional vacuum in biofuel policies: Evidence from West African countries // *Energy, Sustainability and Society*, vol. 7, no. 12, pp. 1-16.
- Geroulanos S.* (2009) Beyond the Normal and the Pathological: Recent Literature on Georges Canguilhem // *Gesnerus*, vol. 66, no. 2, pp. 288-306.
- Goulding C., Shankar A., Canniford R.* (2013) Learning to be tribal: facilitating the formation of consumer tribes // *European Journal of Marketing*, vol. 47, no. 5-6, pp. 813-832.
- Gradstein M.* (2008) Institutional Traps and Economic Growth // *International Economic Review*, vol. 49, no. 3, pp. 1043-1066.
- Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D.* (2003) Seize the state, seize the day: State capture and influence in transition economies // *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 4, pp. 751-773.
- Henly S.J., Wyman J.F., Gaugler J.E.* (2011) Health trajectory research: a call to action for nursing science // *Nursing Research*, vol. 60, no. 3, s. 79-82.
- Herington M.J., van de Fliert E.* (2018) Positive Deviance in Theory and Practice: A Conceptual Review // *Deviant Behavior*, vol. 39, no. 5, pp. 664-678.

- Huysmans J.* (2016) Democratic curiosity in times of surveillance // *European Journal of International Security*, vol. 1, no. 1, pp. 73-93.
- Jamali D., Karam S.* (2018) Corporate Social Responsibility in Developing Countries as an Emerging Field of Study // *International Journal of Management Reviews*, vol. 20, no. 1, pp. 32-61.
- Johnson B., Lundvall B.-A.* (1992) Closing the institutional gap? // *Revue d'économie industrielle*, vol. 59, pp. 111-123.
- Jolly S., Raven R.* (2015) Collective institutional entrepreneurship and contestations in wind energy in India // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 42, pp. 999-1011.
- Jolly S., Spodniak P., Raven R.* (2016) Institutional entrepreneurship in transforming energy systems towards sustainability: Wind energy in Finland and India // *Energy Research & Social Science*, vol. 17, pp. 102-111.
- Khan M.* (1995) State Failure in Weak States: A Critique of New Institutional Explanations // *The New Institutional Economics and Third World Development* / J. Harriss, J. Hunter, C. Lewis (eds.). London: Routledge, pp. 71-86.
- Laín-Entralgo P.* (1982) *El Diagnóstico Médico: Historia y Teoría*. Barcelona: Salvat, 425 p.
- Lawer E.T., Lukas M.C., Jorgensen S.H.* (2017) The neglected role of local institutions in the 'resource curse' debate. Limestone mining in the Krobo region of Ghana // *Resources Policy*, vol. 54, pp. 43-52.
- Lee D.-H.* (2013) Smartphones, mobile social space, and new sociality in Korea // *Mobile Media & Communication*, vol. 1, no. 3, pp. 269-284.
- Mamali E., Nuttall P., Shankar A.* (2018) Formalizing consumer tribes. Towards a theorization of consumer-constructed organizations // *Marketing Theory* (forthcoming). URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1470593118767723>.
- Mauskappf M., Zajac E.* (2013) The Emergence and Persistence of Institutional Dissonance at the New York Philharmonic, 1842-1928 // *Academy of Management Proceedings*, vol. 2013, no. 1, pp. 12015.
- McHorney C.A.* (2000) Concepts and Measurement of Health Status and Health-Related Quality of Life // *The SAGE Handbook of Social Studies in Health and Medicine* / G.L. Albrecht, R. Fitzpatrick, S.C. Scrimshaw (eds.). London: SAGE Publications, pp. 339-358.
- Mehlum H., Moene K., Torvik R.* (2006) Institutions and the resource curse // *The Economic Journal*, vol. 116, no. 508, pp. 1-20.
- Menaldo V.* (2016) *The Institutions Curse: Natural Resources, Politics, and Development*. New York: Cambridge University Press, 414 p.
- Menaldo V.* (2016) *The Institutions Curse: Natural Resources, Politics, and Development*. New York: Cambridge University Press, 414 p.
- Merton R.* (1957) *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press, 702 p.
- Mezzich J.E. et al.* (2016) Person-Centered Integrative Diagnosis and Its Context / J.E. Mezzich, I.M. Salloum, C.R. Cloninger, M. Botbol // *Person Centered Psychiatry* / J.E. Mezzich, M. Botbol, G.N. Christodoulou, C.R. Cloninger, I.M. Salloum (eds.). Cham: Springer, pp. 139-156.
- Naville E.* (1871) *The Problem of Evil: Seven Lectures*. Edinburgh: T. & T. Clark, 280 p.
- Nganje F.* (2015) Moving Beyond Africa's Crisis of Institutions. Occasional Paper No. 222. South African Institute of International Affairs, 25 p.
- Nutzinger H.G.* (1982) The Economics of Property Rights – A New Paradigm in Social Science? // *Philosophy and Economics: Proceedings, Munich, July 1981* / W. Stegmüller, W. Balzer, W. Spohn (eds.). Berlin: Springer, pp. 169-190.
- Olson M.* (1982) *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press, 273 p.

- Ostrom E.* (1992) *Crafting institutions for self-governing irrigation systems*. California: Institute for Contemporary Studies, 112 p.
- Pache A.C., Santos F.* (2012) Inside the hybrid organization: selective coupling as a response to competing institutional logics // *Academy of Management Journal*, vol. 56, no. 4, pp. 972-1001.
- Path Dependence and Lock-In.* (2014) / S.J. Liebowitz, S.E. Margolis (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 757 p.
- Polterovich V.* (2018) Institutional Trap // *The New Palgrave Dictionary of Economics: Living Edition*. London: Palgrave Macmillan. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1057%2F978-1-349-95121-5_2717-1.
- Prakash A., Potoski M.* (2016) Dysfunctional institutions? Toward a New Agenda in Governance Studies // *Regulation & Governance*, vol. 10, no. 2, pp. 115-125.
- Qiu J.* (2010) Publish or Perish in China // *Nature*, no. 463, pp. 142-143.
- Rahman H.M.T. et al.* (2017) A framework for analyzing institutional gaps in natural resource governance // *International Journal of the Commons*, vol. 11, no. 2, pp. 823-853.
- Richards D. Smith M., Hay C.* (2014) Conclusion: Apres le Deluge? Crisis, Continuity and Change in UK Institutions // *Institutional Crisis in 21st Century Britain* / D. Richards, M. Smith, C. Hay (eds.). New York: Palgrave Macmillan, pp. 256-272.
- Santagata W.* (1995) Institutional Anomalies in the Contemporary Art Market // *Journal of Cultural Economics*, vol. 19, no. 2, pp. 187-197.
- Scaraboto D.* (2015) Selling, Sharing, and Everything in Between: The Hybrid Economies of Collaborative Networks // *Journal of Consumer Research*, vol. 42, no. 1, pp. 152-176.
- Schmidt P.* (2018) Market failure vs. system failure as a rationale for economic policy? A critique from an evolutionary perspective // *Journal of Evolutionary Economics* (forthcoming). URL: <https://doi.org/10.1007/s00191-018-0564-6>.
- Serres M.* (1994) *Atlas*. Paris: Julliard, 280 p.
- Serres M.* (1995) *Genesis*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 142 p.
- Sholl J.* (2016) Contextualizing Medical Norms: Georges Canguilhem's Surnaturalism // *Naturalism in the Philosophy of Health. History, Philosophy and Theory of the Life Sciences* / E. Giroux (ed.). Cham: Springer, pp. 81-100.
- Sinding C.* (2004) The Power of Norms. Georges Canguilhem, Michel Foucault, and the History of Medicine // *Locating Medical History: The Stories and Their Meanings* / F. Huisman, J.H. Warner (eds.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, pp. 262-284.
- Sinding C.* (2006) Flexible norms? From patients' values to physicians' standard // *Histories of the Normal and the Abnormal: Social and Cultural Histories of Norms and Normativity* / W. Ernst (ed.). New York: Routledge, pp. 225-244.
- Smyth L.* (2016) The Disorganized Family: Institutions, Practices and Normativity // *British Journal of Sociology*, vol. 67, no. 4, pp. 678-696.
- Spicer A.* (2010) Extitutions: The other side of institutions // *Ephemera*, vol. 10, no. 1, pp. 25-39.
- Tammel K.* (2015) Collective Institutional Entrepreneurship in Initiating Public-Sector Shared Service Centers // *Administrative Culture*, vol. 16, no. 2, pp. 161-179.
- The Evolution of Path Dependence.* (2009) / L. Magnusson, J. Ottosson (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 238 p.
- The Hidden Dynamics of Path Dependence: Institutions and Organizations.* (2010) / G. Schreyögg, J. Sydow (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 265 p.
- The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions.* (2002) / M. De Jong, K. Lalenis, V. Mamadouh (eds.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 313 p.
- Tian M., Su Y., Ru X.* (2016) Perish or Publish in China: Pressures on Young Chinese Scholars to Publish in Internationally Indexed Journals // *Publications*, vol. 4, no. 9, pp. 1-16.

Tirado F., Maureira M. (2016) De Objetos y Extituciones: nuevos operadores de lo social // *Oxímora: revista internacional de ética y política*, no. 8, pp. 112-130.

Tirado F.J., Domènech M. (1998) Sobre extituciones: reflexiones críticas para la psicología social de las instituciones // *Revista Universidad de Guadalajara*, no. 11, pp. 43-51.

Tirado F.J., Domènech M. (2001) Extituciones: el poder y sus anatomías // *Política y Sociedad*, vol. 36, pp. 191-204.

Tirado F.J., Mora M. (2004) *Cyborgs y extituciones: nuevas formas para lo social*. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 215 p.

Vadera A.K., Pratt M.G., Mishra P. (2013) Constructive Deviance in Organizations: Integrating and Moving Forward // *Journal of Management*, vol. 39, no. 5, pp. 1221-1276.

Vining A.R., Weimer D.L. (2016) The challenges of fractionalized property rights in public-private hybrid organizations: The good, the bad, and the ugly // *Regulation & Governance*, vol. 10, no. 2, pp. 161-178.

Wahid F., Sein M.K. (2013) Institutional entrepreneurs: The driving force in institutionalization of public systems in developing countries // *Transforming Government: People, Process and Policy*, vol. 7, no. 1, pp.76-92.

Whyte W.F. (1968) Imitation or Innovation: Reflections on the Institutional Development of Peru // *Administrative Science Quarterly*, vol. 13, no. 3, pp. 370-385.

Widmer E.D. (2016) *Family configurations. A Structural Approach to Family Diversity*. London: Routledge, 178 p.

World Development Report 2017: Governance and the Law. (2017) Washington: The World Bank, 281 p.

Wright A.L., Zammuto R.F. (2013) Creating opportunities for institutional entrepreneurship: The Colonel and the Cup in English County Cricket // *Journal of Business Venturing*, vol. 28, no. 1, pp. 51-68.